

СМЫСЛОТВОРЕНИЕ. РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД КНИГОЙ М. Н. ЭПШТЕЙНА «ПРОЕКТИВНЫЙ СЛОВАРЬ ГУМАНИТАРНЫХ НАУК»

Алексей Малинов

Санкт-Петербургский государственный
университет

Ленка Налдониова

Остравский университет (Чехия)

Цитирование: Малинов А.В., Налдониова Л. Смыслотворение. Размышления над книгой М. Н. Эпштейна «Проективный словарь гуманитарных наук» // Философский полилог: Журнал Международного центра изучения русской философии. 2018. № 2. С. 145–158. DOI: <https://10.31119/phlog.2018.4.7>

For citation: Malinov, A.V., Naldoniova, L. Smyslotvoreniye. Razmyshleniya nad knigoy M. N. Epshteina "Proyektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk" [Term creation. Reflections on the book "Projective Dictionary of the Humanities" by M. N. Epstein], in *Filosofskiy polilog: Zhurnal Mezhdunarodnogo tsentra izucheniya russkoy filosofii* [Philosophical Polylogue: Journal of the International Center for the Study of Russian Philosophy], 2018, No. 2, pp. 145–158. DOI: <https://10.31119/phlog.2018.4.7>

В статье рассматривается книга известного философа и культуролога М. Н. Эпштейна «Проективный словарь гуманитарных наук», подводящая итог более чем тридцатилетним изысканиям автора в области расширения терминологических возможностей языка науки и философии. Показано, что несмотря на обращенность словаря к будущему, в его основе лежат те потенции, которые были заложены наукой и философией Нового времени: механистическое понимание природы, возможность ее «исправления» и конструирования, экзистенциальное понимание человека как проекта. Отмечается, что «Проективный словарь» представляет собой актуализацию мифологического понимания языка (креативного языка), воспроизводит ту социальную модель, в основании которой лежит оптимистическое и прогрессистское восприятие истории. Более подробно рассматривается раздел, посвященный «софийным дисциплинам». Показаны истоки предлагаемых терминов, в частности «этнософии», приводятся альтернативные варианты истолкования этого понятия. Делается вывод о том, что значение «Проективного словаря» состоит в раскрепощении мышления, отказе от автоматизма мышления и в преодолении понимания философии как исключительно истории философии.

Ключевые слова: словарь, наука, философия, Новое время, конструирование, язык, перформативные высказывания, смысл, антиэсхатологизм, этнософия, археософия.

The article deals with the book “Projective Dictionary of the Humanities” written by the well-known philosopher and culturologist M. N. Epstein, who has been working for more than thirty years to develop the terminology of the language of science and philosophy. It is shown that despite the dictionary being claimed to appeal to the future, it is based on those principles which were elaborated by the science and philosophy of New Times, such as mechanistic interpretation of nature, the possibility of its “correction” and constructing, the existential understanding of man as a project. It is noted that the “Projective Dictionary” makes it possible to actualize the mythological concept of language (creative language), reproduces that social model, which is based on the optimistic and progressionistic view on history. The articles of the “Projective Dictionary” which explain the “Sofia terms” are analyzed more closely. The origins of the proposed terms are discussed, their different meanings are mentioned. In particular, the term “ethnosophy” is examined in the context of actual Russian philosophy and ideology. It is concluded that the “Projective Dictionary” by M. N. Epstein is of great importance as it stimulates independent creative thinking, helps to overcome philosophical stereotypes, such as identifying philosophy with the history of philosophy.

Keywords: dictionary, science, philosophy, New Times, construction, language, performative statements, meaning, anti-eschatologism, ethnosophy, archeosophy.

Новоевропейская философия, начавшаяся «Новым органом» Ф. Бэкона, завершается «Новым лексиконом». Книга М. Н. Эпштейна «Проективный словарь гуманитарных наук», изданная в 2017 г. «Новым литературным обозрением» [19], включает более четырех сотен словарных статей о терминах, которые «предвосхищают, проектируют будущие тенденции в развитии науки и культуры». Автор убежден, что открывает «новую эпоху», пребывает в «новые времена». Христианское человечество на протяжении двух тысячелетий живет ожиданием скорого наступления «последних времен». Уверенность в исчерпанности времени мира стала необходимым элементом психологии христианина. «Проективный словарь», напротив, явно антиэсхатологичен, продолжает направление оптимистического прогрессизма, насчитывающего уже, впрочем, тоже около трех столетий.

«Проективный словарь» во многом подводит итог новоевропейскому способу мышления. Словарь, энциклопедия – типично нововременная форма знания, систематизирующая знание в соответствии с порядком и строем языка. Не случайно на первой странице Введения приводится цитата из Ф. Бэкона, а завершается Введение ссылкой на Г. В. Лейбница. Еще европейская «школьная» философия указывала, что философия постигает бытие, к которому относятся вещи действительные и возможные. Возможные вещи – это логически непротиворечивые понятия, т. е. все то, о чем мы можем непротиворечиво мыслить. Небытие, таким образом, мыслится как противоречие (деревянное железо, мокрый огонь, мыслящий камень и т. п.). Подобное толкование философии (и упомянутые примеры) было зафиксировано в первом русском учебнике по философии Г. Н. Теплова «Знания, касающиеся вообще до философии, для пользы тех, которые о сей материи чужестранных книг читать не могут» (1751). Проективно мыслили уже основоположники новоевропейской философии. Так, декартовское различие *res cogitans* и *res extensa* можно считать «кентотипом» (если воспользоваться удачным термином М. Н. Эпштейна) дегуманизированной и обескачественной природы, доступной калькулирующему познанию и научному постижению. Кентотипично и Спинозовское различие *natura naturans* и *natura naturata*, признающее незавершенность творения и несовершенство сотворенной природы, которую можно менять «к лучшему». Следствием такого человеческого улучшения становится еще один символ «современной» культуры – Франкенштейн, которого, в свою очередь, можно считать кентотипом биоинженерии. Довольно частое обращение М. Н. Эпштейна к концепции «множественности миров» также отсылает к истокам новоевропейской философии. Хотя «Проективный словарь» и провозглашает перспективы, пророчит будущее, но в то же время проговаривает те потенции, которые заложены в мышлении уходящей эпохи – эпохи Модерна.

Оптимизм автора оправдывается нововременной верой в возможности человеческого разума и неисчерпаемость смысла. Открытость

мира и разомкнутость его будущему заставляет признать и незавершенность самого смысла. Однако не является ли беспредельность скорее стихией абсурда, чем смысла? Насколько осмысленны термины самого «Проективного словаря», ведь это словарь не существующих, а только возможных терминов, своеобразная понятийная футурология? «Проективный словарь» лишь предвосхищает смысл, указывая на него посредством вероятностных и перформативных высказываний. Он имеет дело с проблематической семантикой и неаподиктической логикой, относится, как сказал бы А. Н. Радищев, к области «гадательного знания».

Различные степени осмысленности располагаются от прозрачной аксиоматики повседневности до непостижимого, которое, по словам С. Л. Франка, «постигается через постижение его непостижимости». Определенность смысла нарастает от нерелексируемых очевидностей обыденного мира до артикуляции смысла в жесте, поступке, образе, символе и слове. Затем определенность смысла вновь слабеет, и лепетание смысла открывает простор для терминологических мутаций, из которых и складывается «Проективный словарь». Здесь важно закрепить в слове это зыбучее окказиональное бытие, зафиксировать его еще только нарождающийся смысл, путем грамматического сложения корней, приставок, суффиксов, окончаний предъясвив новый термин. Значения такого слова менее всего однозначны, его смысл подвижен, так же как проблематична его семантика и призречен его денотат. Ноэматическое схватывание и последующее фонетическое (или графическое) удержание порождают терминологические эмбрионы. Такой язык ближе всего к языку поэтическому; по крайней мере, здесь важно поэтическое чутье, которым вполне обладает М. Н. Эпштейн, создавая благозвучные термины. Однако главные методы «Проективного словаря» иные: это конструирование и интерпретация. В механистическом мировоззрении Нового времени ученый предстает как конструктор, аналитически разбирающий, а затем синтетически воссоздающий природный механизм. В «Проективном словаре» этот метод переносится на язык, точнее, на языки, из элементов которых и конструируются новые термины. Во всем этом есть известная доля языковой игры, по-своему увлекательной и затягивающей. Перформативные высказывания, к жанру которого преимущественно принадлежат термины «Проективного словаря», отдают предпочтение выражению перед смыслом. Не смысл настаивает на выражении, облекается и обличается словом (высказыванием), а, наоборот, высказывание продуцирует смысл. Инверсия отношений смысла и выражения была заложена еще в гегелевской разумности действительности и действительности разумности. Реально все то, что может быть помыслено. М. Н. Эпштейн скрещивает гегельянство с генеративной грамматикой и переносит его на уровень слова (термина). Гегелевская «действительность разумного» заменяет семанти-

ку и оправдывает любые опыты алгоритмического конструирования терминов.

Понятно, что побудительным мотивом подобного терминологического конструирования выступают не только азарт языковой игры, доставляющей удовольствие и оправдывающей иллюзией осмысленности такую деятельность, но и неудовлетворенность состоянием философского языка. Одной из важнейших задач философии является развитие научного языка, как и раскрытие выразительных возможностей самого мышления. По словам М. Н. Эпштейна, «задача философии – не просто исследовать, но и расширять существующий язык, лексические поля, синтезировать новые концепты, вводить новые языковые правила, увеличивать объем говоримого – а значит и мыслимого и потенциально осуществимого» [19, с. 19]. Возможность продуцирования новых смыслов заложена как в интенциональности (если воспользоваться феноменологическим жаргоном) смысла, так и во «всеядности» мышления, т. е. в способности мыслить обо всем, надеяться смыслом все, что может быть помыслено. Воля к мысли раскрывает «ожидание» осмысленности окружающего мира и одновременно проекцию этого смысла. Если, следуя Спинозовскому толкованию *natura naturata*, признать сотворенный мир незавершенным и несовершенным, то и наш язык может быть подвергнут искусственному улучшению, исправлению, расширению. Уже в XVII в. неоднократно встречаются опыты «последовательной и систематической языковой нормализации, которая осуществлялась посредством создания грамматик и проведения книжной справки» [10, с. 99]. На Руси подобное исправление русской редакции церковнославянского языка предпринял Ю. Крижанич. Его попытку нередко оценивают как создание искусственного «всеславянского языка», в том числе и из-за предложенных им новых терминов («чужебесие», «гостогонство» и др.).

Еще одной опорой для такого терминологического расширения науки может служить понимание человека в экзистенциализме как проекта, признание незаданности и негарантированности человеческого бытия. Новые слова и термины помогают обрести опору в будущем, обозначить видимость смысла в «нелепом» самом по себе бытии. Мир и текст приобретают для человека смысл лишь в перспективе их завершенности. Смысл – это не только интенциональность сознания, но и признаки завершения процесса, хотя бы в отдаленных интенциональных коррелятах или метафоре горизонта. Смысл – это определенность. Недаром разговор о смысле предполагает ответ на вопросы «Зачем?», «Для чего?». Мир, лишенный пределов и окрестностей, бессмыслен и страшен. Сильнее страха смерти может быть только страх бесконечной жизни. Агасферные пространства лишены смысла. Такой мир может быть воспринят лишь как наказание, как сансарическое бытие, несносное не только в силу бесконечности страданий, но и в силу бессмысленности. Христианство провозгласило победу над смертью и перенесло смысл в прошлое. Для христианина

все самое главное в жизни этого мира уже свершилось. Смысл мира отмеряется из прошлого, и время мира конечно – зато все имеет смысл. Иная модель – открытого мира, разомкнутого бытия – вызывает сомнение в наличии смысла. Смысл не дан, это только проект и замысел, он обретается в процессе проговаривания. «Проективный словарь» – это попытка нащупать смысл в бесконечном и самом по себе бессмысленном бытии, задать алгоритмы производства смысла. Однако здесь мы невольно возвращаемся к мифологической модели креативного (божественного) языка, в котором слово неотделимо от вещи. Бог мыслит вещами и событиями. Мифологичность «Проективного словаря» сказывается также в том, что в него вполне определенно вписана и утопическая социально-оптимистическая модель, отчасти перекликающаяся с теократической утопией В. С. Соловьева (до эсхатологизма его «Трех разговоров») и утопией Платона (см., например, термин «ноократия»). Мифологичность проявляется здесь в убежденности автора в реальности описываемых новыми терминами явлений культуры, мышления и науки. Миф, напомним определение А. Ф. Лосева, – это «подлинная и максимально конкретная реальность», «миф есть сама жизнь». Магико-мифологические корни «Проективного словаря» заявлены в исходных постулатах. «Проективные термины, – пишет М. Н. Эпштейн во Введении, – предвосхищают концептуальную структуру тех объектов, которые они обозначают, а порой и вызывают их к жизни или определяют пути их использования» [19, с. 17]. Отсюда и профетическая тональность некоторых словарных интерпретаций.

Однако производство новых слов требует и внимательной языковой работы (на грани оксюморона и синонима), ведь денотат проективных терминов не очевиден, по крайней мере, вариативен. Основной смыслостроительный материал «Проективного словаря» заимствуется из русского, английского, латинского и греческого языков. С большой долей вероятности можно предположить, что развитие языка науки будет соответствовать тому языковому космосу, который описывает «Проективный словарь». При этом стоит учитывать и цивилизационный синкретизм, охватывающий многие регионы мира и способный потеснить или, по крайней мере, ослабить доминирование английского языка. В пределах жизни «нашего» поколения у английского языка едва ли появится опасный конкурент. Однако словарь на то и «проективный», чтобы предвидеть возможную смену языковых приоритетов, когда терминологическая основа языка науки и культуры сможет существенно трансформироваться. Стоит вспомнить и «закон» обратно пропорционального отношения качественных и количественных характеристик культуры, сформулированный еще М. М. Ковалевским. Экспансия английского языка неизбежно будет приводить к понижению его качественного уровня, упрощению и, соответственно, будет обесценивать его смыслообразующие возможности.

Предложенный в словаре терминологический репертуар разнообразен. Из него каждый может выбрать порцию неологизмов на свой вкус и в требующемся объеме. В качестве примера остановлюсь на разделе «Софийные дисциплины». Для историка русской философии он интересен тем, что, на первый взгляд, отсылает к учению о «цельном знании» (славянофилы, В. С. Соловьев). Действительно, по определению М. Н. Эпштейна, это «дисциплины, которые соотносят предмет своего изучения с цельным знанием, *мудростью*, представлением о мироздании в целом» [19, с. 95]. Впрочем, концепция «цельного знания» в словаре не раскрывается, по крайней мере, в том содержательном отношении, в каком его мыслили славянофилы и В. С. Соловьев. Поясняя свою позицию, М. Н. Эпштейн уточняет, что «софийные дисциплины» «отличаются от “логийных” наук (logy-disciplines), названия которых часто заканчиваются “логия” (от греч. logos – слово, понятие, учение) и которые изучают определенный предмет внутри его собственных рамок. Рядом с каждой *наукологией* можно обнаружить *дисциплину-софию*: рядом с археологией – *археософию*, рядом с биологией – *биософию*, рядом с психологией – *психософию*, рядом с этнологией – *этнософию*. Наряду с языковедением есть *лингвософия* (“языкомудрие”), наряду с обществоведением – *социософия* (“обществомудрие”» [19, с. 95]. Полный список парных логосных и софийных дисциплин приведен на с. 97.

Надо признать, что не все из предложенных терминов являются в строгом смысле неологизмами. Некоторые из них уже около двух столетий применяются в гуманитарных науках. Например, термины «историология» и «историософия» используются с XIX в. Считается, что впервые термин «историософия» ввел в 1838 г. польский историк А. Цешковский; позднее к нему обращались и русские философы и историки, например Н. И. Кареев. Термин «историология» (в смысле теории исторического процесса) употреблял французский историк И. Тэн и, например, такие известные русские историки, как В. И. Герье и Н. И. Кареев. В строгом смысле значение термина «историософия» еще окончательно не устоялось, поскольку он использовался и в качестве синонима философии истории в целом, и для обозначения гегельянской модели исторического процесса, и как синоним религиозной философии истории. С различными вариантами истолкования историософии можно познакомиться в монографии О. Ф. Русаковой и О. Г. Дуки [18]. Термин «антропософия» был введен Р. Штайнером в 1912 г., учение которого нашло плодотворный отклик у русских философов, писателей и поэтов начала XX в. Конечно, упомянутые факты лишь указывают, что слова имеют свою историю и живут до тех пор, пока люди вкладывают в них смысл, а «Проективный словарь» придает им новую жизнь.

Отдельного упоминания заслуживает термин «этнософия». Краткое определение этнософии можно найти в нескольких работах М. Н. Эпштейна. Если этнография, полагает он, описывает этносы,

их генезис, историю и культуру, а этнология исследует структуру их обычаев, традиций, ритуалов, то этнософия раскрывает связь всех элементов этой структуры с мистериально-сакральным центром и пафосом национальной жизни. Этнософия изучает преимущественно высокоразвитые общества, где религиозное содержание выступает в свернутом, потенциальном виде, в отличие от этнологии, нацеленной на изучение обрядовой структуры примитивных обществ, религиозное содержание которых выступает эксплицитно. Одна из задач этнософии – выявить в повседневной, мирской, бытовой, профессиональной, культурной жизни манифестацию бессознательно-сакральных структур, а также определить место каждого этноса в общей эволюции общечеловеческой культуры. К предшественникам этнософии М. Н. Эпштейн относит И. Г. Гердера, О. Шпенглера, а в отечественной науке – Н. Я. Данилевского, Л. Н. Гумилева и Г. Д. Гачева [21, с. 73; 20, с. 783–785; 19, с. 96].

Термин «этнософия» тоже имеет свою историю, насчитывающую около столетия, поэтому едва ли может считаться неологизмом, хотя сам процесс зарождения термина, т. е. насыщения слова смыслом, вероятно, может быть растянут во времени на длительный срок. Впервые к нему обратился основоположник евразийства Н. С. Трубецкой в 1926 г. в одном из писем Р. О. Якобсону. Н. С. Трубецкой полагал, что различные стороны культуры не только связаны между собой, но и различаются, так сказать, параллельно, в одном направлении. Проследить сходство в развитии различных сторон жизни и культуры, по его мысли, должна новая наука, которую он и предложил назвать этнософией. Н. С. Трубецкой писал своему адресату, что «нужна какая-то особая наука, стоящая вне литературы, политики и т. д. и занимающаяся исключительно синтетическим изучением параллелизма эволюция отдельных сторон жизни... этот вопрос должна решать уже не лингвистика, а какая то другая наука, скажем, “этнософия”» [24, с. 98]. Однако в евразийской теории этнософия как самостоятельная дисциплина или хотя бы как термин не получила дальнейшего обособления. Примерно в эти же годы в Советской России появились концепции, также близко подошедшие к формулированию задач и методов современной этнософии, хотя термин этот и не использовался. Прежде всего, здесь надо назвать работы А. Ф. Лосева по философии мифа и Д. К. Зеленина по сибирской этнографии, в частности по сибирскому шаманизму. Одна из работ Д. К. Зеленина в первоначальной редакции даже называлась «Философия сибирского шаманизма».

Термин «этнософия» встречается и в итоговом труде американского антрополога М. Херсковица «Культурная антропология» [23]. Примечательно, что М. Херсковиц приходит к нему, критикуя этноцентрическую и европоцентрическую (американо-европоцентрическую) точки зрения в социальной антропологии и науке о культуре. Каждому народу, полагал он, присуща специфическая система цен-

ностей, в которой закрепляются представления людей о должном и желаемом. При этом каждая культура наиболее полным образом проявляется в каком-то одном аспекте, или «культурном фокусе», наиболее для нее характерном, с которым, как правило, эта культура и ассоциируется. Посредством усвоения этих желаемых ценностей происходит вхождение человека в культуру, энкультурация, позволяющая в дальнейшем не только воспроизводить эти ценности и конкретные культурные формы, но и изменять их.

В последние годы термин «этнософия» активно используется московским философом В. В. Ванчуговым. В монографии «Русская философия конца XIX – начала XX века и американские мыслители “золотого века”: главные направления теоретического взаимодействия» (2002) [8], курсе «Этнософия: образы наций в русской философской мысли» и ряде статей [9, с. 514–515; 7, с. 131–143] он определяет этнософию как «философию народа», основу которой составляют размышления о «сущности народа». Цель подобных рассуждений состоит в определении преимуществ и недостатков народа (нации) в интеллектуальной сфере, составлении коллективного психологического портрета, выявлении роли народа во всемирной истории. Этнософия видится В. В. Ванчугову попыткой выразить «сущность народа», выделив философскую составляющую его характера. В связи с этим он употребляет выражение «этнософические портреты». Хотя этнософия в своем возможном облачении, уточняет В. В. Ванчугов, выступает как парафилософия, но иногда ее выводы могут получать более высокий статус, чем привычные рациональные умозаключения. Здесь можно наблюдать как чистые формы работы сознания, так и образное проявление бессознательного в ситуации столкновения с иным мыслящим существом (народом, этносом). Несмотря на странность некоторых суждений философов одного народа о другом, в совокупности они все же являются ценным источником, эмпирической базой для такой формы знания, которую, помимо этнософии, можно назвать философским страноведением или философским регионоведением.

С рядом программных работ по этнософии выступал известный африканист В. Р. Арсеньев (1949–2010) [1; 2, с. 100–116; 5, с. 36–44; 6, с. 1–94]. Он определял этнософию как специфическое направление этнографии и других гуманитарных наук, возникшее с целью преодолеть концептуальный кризис, связанный с постмодернистской фазой, характерной для современной цивилизации, потерей целостного восприятия мира, образования множества частных наук об обществе, опирающихся на эвристически исчерпавшие себя методологические приемы. Методологическим ориентиром «этнософии», на его взгляд, выступает стремление к синтезу философии как науки о методе и об общих основаниях мира с этнографией как наукой о культуре и обществе. В. Р. Арсеньев уточнял, что этнософия – дисциплина переходного периода, периода кризиса целостного видения мира. В то же самое время, этнософия призвана преодолеть европо-

центристский взгляд на мир и вызванные им научные установки. Необходимой составляющей этнософского подхода, по мнению В. Р. Арсеньева, должны стать полевые исследования конкретных национальных и региональных культур. Сам Р. В. Арсеньев в своих выводах опирался на многолетние исследования культуры африканского народа бамбара [3; 4].

К исследованиям, написанным в русле этнософского подхода, также можно отнести книгу В. Ю. Попкова и Е. А. Тюгашева «Философия Севера» [15], а также некоторые другие публикации этих авторов [14, с. 36–41; 16, с. 44–49; 17, с. 8–17].

Богатый материал для анализа этнософских представлений дают тексты, появившиеся в последние два десятилетия в национальных регионах России. Конечно, большинство современных этнософских сочинений, с философской точки зрения, наивны. Но этнософия не дублирует и тем более не подменяет философию. Этнософию надо рассматривать не в качестве еще одной философской системы, а как необходимый этап развития национального сознания. Этнософия имеет дело не с философскими понятиями или абстрактными сущностями, а с мифами. То, о чем пишут приверженцы этнософии, для них самих происходит на самом деле, является частью реальности. Благодатной почвой для распространения этнософии также служит идеология антиглобализма с ее критикой общества потребления западного типа. Этнософия делает антиглобалистское мировоззрение частью национального мышления, противостоящего массовой культуре и получающего тем самым статус новой «универсалии». Можно сказать, что в этнософии реализуется тенденция перехода от попыток обоснования метафилософии к построению региональных философий [11, с. 155–162].

К отличительным особенностям этих поисков можно отнести стремление «удревнить» идеи, представить их как итог многовековой или даже многотысячелетней народной мудрости. В целом тот тип мифологического мышления, который представлен этнософией, приводит к архаизации сознания, поиску «древней мудрости», что позволяет говорить о своеобразной археософии. Археософию следует понимать как поиск изначального, древнего, забытого или утраченного знания. Этнософия, несмотря на частые заверения, обращена не к будущему, а к прошлому, в чем и проявляется ее археософичность, она ищет истину не в настоящем, а в былом, не открывает, а «восстанавливает» знания, полагая, что ушедшие поколения обладали истинной мудростью и полнотой знания о мире. Отсюда нередко археософия, хотя и представленная творчеством вполне определенных людей, стремится к анонимности. Ведь этнософ не творчески познает мир, а возвращает забытое и утраченное. Его воля к знанию минимизирована, он посредник, транслятор вечных истин в их древней (т. е. изначальной) форме [12, с. 121–136].

Термин «археософия», вероятно, впервые ввел итальянский эзотерический писатель и практик Томмазо Паламидесси, основавший в 1968 г. Археософическое общество. Известный исследователь социологии религии, директор Центра исследований новых религий (CESNUR) М. Интровинье объяснял эволюцию взглядов Т. Паламидесси в том числе интересом к русской религиозной философии, в частности к софиологии. «Томмазо Паламидесси, заинтересовавшись тантризмом, – писал он, – решительно обратился к христианскому эзотеризму, ярко выраженному в восточном православии у таких авторов, как Соловьев и Флоренский, и в 1968 г. основал Археософское общество в Риме, которое все еще процветает, хотя и страдает от расколов, обычных в эзотерическом мире. Археософский подход, несомненно, находится в русле христианского эзотеризма» [22, р. 123–160].

Археософия, согласно «Проективному словарю», «занимается теми явлениями, которые существуют *в модусе* древности, даже если они зарождаются в Новое и Новейшее время. Область археософии – *древностное*» [19, с. 237]. В интерпретации М. Н. Эпштейна предметная область археософии включает в себя явления живописи, литературы, политические идеологии, метафизические учения, исторические реконструкции, ролевые игры. При таком расширительном толковании археософия, пожалуй, больше соответствует понятию «архаического рывка», предложенного А. Тойнби, а не буквальному ее пониманию как древней мудрости, древнего знания. «Древностными, – поясняет М. Н. Эпштейн, – являются многие феномены современной культуры, возникающие в виде мифов, религиозных культов, психических архетипов, эстетических примитивов, родоплеменных, примитивно-общинных форм политической организации. Древностное постоянно воспроизводится на новых этапах истории и пронизывает цивилизацию» [19, с. 240].

В контексте общей прогрессистской установки «Проективного словаря» и, вероятно, мировоззрения его автора интерпретация древностных явлений сохраняет если и не негативное, то, по крайней мере, критическое отношение. В целом критические оттенки звучат и в адрес современной России, для которой, в частности, характерна «целенаправленная, политически мотивированная архаизация». Конечно, ситуация в России извне воспринимается иначе, чем ее сознают и переживают люди, живущие в стране, однако вызывает сомнения целенаправленность политических деятелей, принимаемых ими решений и поступков. Скорее всего, М. Н. Эпштейн несколько преувеличивает масштаб личностей, стоящих у власти, для характеристики действий которых больше подходит игровой тип поведения «старый режим» в зиммелевском смысле. Создается впечатление, что у власти нет видения будущего, отсутствуют идеалы, которые бы формировали это будущее. Ее действия бесцельны, чем во многом объясняется и запоздалость реакций, и преобладание ситуационных

поступков. Архаичность власти является следствием того, что она не способна быть современной, а уж тем более проективно, а значит и государственно, мыслить. Воспроизведение в новых формах, казалось бы, отживших исторических явлений, таких, например, как местничество, кормление, кабала (кредитная кабала вместо рабства и крепостного права), традиционная форма правления, основанная не на профессиональных качествах, а на личной преданности и родственных связях, является не сознательной политической программой, а результатом преследования частных (как правило, личных, корыстных) интересов.

Авторский словарь – явление не редкое в истории науки. Он неизбежно несет отпечаток личности его создателя и его биографии. Так, например, автобиографичные мотивы звучат в статье «соисторичность». Значение «Проективного словаря» состоит в том, что он дает столь важный для развития философии пример свободы мышления, призывает раскрепостить творческое воображение и отказаться от удобного автоматизма. «Проективный словарь» во многом выступает альтернативой истории философии, точнее, той формы современного философствования, которая характеризуется сосредоточенностью в первую очередь на постижении своей собственной истории. «Поворот к синтезу языка и трансформативным техникам бытия и сознания необходим для философии, если она не хочет целиком превратиться в историю философии, в накопление и изучение философских архивов», – заключает М. Н. Эпштейн [19, с. 95].

Литература

1. *Арсеньев В.Р.* Альтернативы будущего. СПб.: [б. и.], 1996.
2. *Арсеньев В.Р.* Базовые понятия этнософии. Подступы к формированию мировоззренческой альтернативы // Общество. Среда. Развитие. 2008. № 1.
3. *Арсеньев В.Р.* Бамбара: люди в переходной экономике. СПб.: МАЭ, 1997.
4. *Арсеньев В.Р.* Бамбара: культурная среда и овеществленный мир западно-суданского этноса в коллекциях МАЭ РАН. СПб.: МАЭ РАН, 2011.
5. *Арсеньев В.Р.* Манифест этнософии // Общество. Среда. Развитие. 2006. № 1.
6. *Арсеньев В.Р.* Основные понятия этнософии // Манифестация. Учебно-теоретический журнал «Ленинградской школы африканистики». 2006. № 7а.
7. *Ванчугов В.В.* Всеединство в этнософическом аспекте: образы европейских народов в русской философской мысли // Соловьевские исследования. 2010. Вып. 1 (25).
8. *Ванчугов В.В.* Русская мысль в поисках «нового света»: «золотой век» американской философии в контексте российского самопознания. М.: Уникум-Центр, 2000.
9. *Ванчугов В.В.* «Этнософия»: ретроспективный анализ в прагматическом аспекте будущего // Наука. Философия. Общество. Материалы V Российского философского конгресса. Т. II. Новосибирск: Параллель, 2009.

10. *Запольская Н.Н.* «Общий» славянский литературный язык: типология лингвистической рефлексии. М.: Индрик, 2003.
11. *Малинов А.В.* На пути к этнософии // Научно-технические ведомости Санкт-Петербургского государственного политехнического университета. Гуманитарные и общественные науки. 2013. № 184.
12. *Малинов А.В.* Этнософия и археософия Алтая // *Studia culturae*. 2013. Вып. 18.
13. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Понятие этнокультурного неотрадиционализма: к методологии анализа // *Личность. Культура. Общество*. 2012. Т. 14. Вып. 4.
14. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Глобализация и этнокультурный неотрадиционализм // *Вопросы культурологии*. 2013. № 11.
15. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* *Философия Севера: коренные малочисленные народы Севера в сценариях мироустройства*. Салехард, Новосибирск: Сибирское научное издательство, 2006.
16. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Этнокультурный неотрадиционализм и социокультурный подход // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия «Философия»*. 2013. Т. 11. № 4.
17. *Попков Ю.В., Тюгашев Е.А.* Этнософия П. А. Сорокина и феноменология евразийской культуры // *Наследие*. 2015. № 1 (6).
18. *Русакова О.Ф., Дука О.Г.* *Современная историософия*. Екатеринбург: [б. и.], 2004.
19. *Эпштейн М.Н.* *Знак пробела: О будущем гуманитарных наук*. М.: Новое литературное обозрение, 2004.
20. *Эпштейн М.Н.* *Проективный словарь гуманитарных наук*. М.: Новое литературное обозрение, 2017.
21. *Эпштейн М.Н.* *Философия возможного*. СПб.: Алетея, 2001.
22. *Introvigne M.* *Ritualità all'interno dell'esoterismo oggi // Nuove ritualità e irrazionale. Come far rivivere il "mistero liturgico"?* / Aldo Natale Terrin (a cura di). Padova: Messaggero, 1993.
23. *Herskovits M.* *Cultural anthropology*. New York: Knopf, 1955.
24. *Jakobson R.O.* *N.S. Trubetskoj's letters and notes*. The Hague; Paris, 1975.

Malinov, Aleksey V., Naldoniova, Lenka. *Term creation. Reflections on the book "Projective Dictionary of the Humanities" by M. N. Epstein*

References

1. *Arsenyev, V.R.* *Al'ternativy budushchego* [Alternatives to the future], St. Petersburg, 1996.
2. *Arsenyev, V.R.* *Bazovye ponyatiya ehtnosofii. Podstupy k formirovaniyu mirovozzrencheskoy al'ternativy* [Basic concepts of ethnosophy. The approaches to the formation of an alternative world view], in *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2008, No. 1.
3. *Arsenyev, V.R.* *Bambara: lyudi v perekhodnoy ekonomike* [Bambara: people in transition economies], St. Petersburg: MAE, 1997.
4. *Arsenyev, V.R.* *Bambara: kul'turnaya sreda i oveshchestvlennyy mir zapadnosudanskogo etnosa v kollektivyakh MAE RAN* [Bambara: the cultural environment

- and the reified world of the Western Sudanese ethnic group in the collections of MAE RAS], St. Petersburg: MAE RAS, 2011.
5. Arsenyev, V.R. Manifest etnosofii [Manifest of ethnosophy], in *Obshchestvo. Sreda. Razvitie* [Society. Environment. Development], 2006, No. 1.
 6. Arsenyev, V.R. Osnovnye ponyatiya etnosofii [Basic concepts of ethnosophy], in *Manifestatsiya. Uchebno-teoreticheskiy zhurnal "Leningradskoy shkoly afrikanistiki"* [Manifestation. Educational and theoretical journal of the "Leningrad school of African studies"], 2006, No. 7a.
 7. Vanchugov, V.V. Vseedinstvo v etnosoficheskom aspekte: obrazy yevropeyskikh narodov v russkoy filosofskoy mysli [All-Unity in the ethnosophical aspect: images of European people in the Russian philosophical thought], in *Solovyovskie issledovaniya* [Solovyov's studies], 2010, No. 1 (25).
 8. Vanchugov, V.V. *Russkaya mysl' v poiskakh "novogo sveta": "zolotoy vek" amerikanskoy filosofii v kontekste rossiyskogo samopoznaniya* [Russian thought in search of the "New World": the "Golden Age" of American philosophy in the context of Russia's self-knowledge], Moscow: Unikum-Tsentr, 2000.
 9. Vanchugov, V.V. "Etnosofiya": retrospektivnyy analiz v pragmaticheskom aspekte budushchego ["Ethnosophy": a retrospective analysis in the pragmatic aspect of the future], in *Nauka. Filosofiya. Obshchestvo. Materialy V Rossiyskogo filosofskogo kongressa* [Science. Philosophy. Society. Proceedings of the V Russian Congress of Philosophy], vol. II, Novosibirsk: Parallel', 2009.
 10. Zapolskaya, N.N. *"Obshchiy" slavyanskiy literaturnyy yazyk: tipologiya lingvisticheskoy refleksii* ["Common" Slavic literary language: a typology of linguistic reflection], Moscow: Indrik, 2003.
 11. Malinov, A.V. Na puti k etnosofii [On the way to ethnosophia], in *Nauchno-tekhnicheskije vedomosti Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo politekhnicheskogo universiteta. Gumanitarnye i obshchestvennye nauki* [Scientific and technical statements of St. Petersburg State Polytechnic University. Humanities and social sciences], 2013, No. 184.
 12. Malinov, A.V. Etnosofiya i arheosofiya Altaya [Ethnosophy and archeosophy of Altai], in *Studia culturae*, 2013, No. 18.
 13. Popkov, Yu.V., Tyugashev, E.A. Ponyatie etnokul'turnogo neotraditsionalizma: k metodologii analiza [The concept of ethnocultural neotraditionalism: to the methodology of analysis], in *Lichnost'. Kul'tura. Obshchestvo* [Personality. Culture. Society], 2012, vol. 14, No. 4.
 14. Popkov, Yu.V., Tyugashev, E.A. Globalizatsiya i etnokul'turnyy neotraditsionalizm [Globalization and ethnocultural neotraditionalism], in *Voprosy kul'turologii* [Cultural Studies Issues], 2013, No. 11.
 15. Popkov, Yu.V., Tyugashev, E.A. *Filosofiya Severa: korennyye malochislennyye narody Severa v stsenariyakh miroustroystva* [The philosophy of the North: small peoples of the North in the scenarios of the world order], Salekhard, Novosibirsk: Sibirskoe nauchnoe izdatel'stvo, 2006.
 16. Popkov, Yu.V., Tyugashev, E.A. Etnokul'turnyy neotraditsionalizm i sotsiokul'turnyy podhod [Ethnocultural neotraditionalism and sociocultural approach], in *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya "Filosofiya"* [Bulletin of Novosibirsk State University. Series "Philosophy"], 2013, vol. 11, No. 4.

17. Попков, Ю.В., Tyugashev, E.A. Etnosofiya P. A. Sorokina i fenomenologiya yevraziyskoy kul'tury [Ethnosophy of P. A. Sorokin and phenomenology of Eurasian culture], in *Nasledie* [Heritage], 2015, No. 1 (6).
18. Rusakova, O.F., Duka, O.G. *Sovremennaya istoriosofiya* [Contemporary historiosophy], Ekaterinburg, 2004.
19. Epstein, M.N. *Znak probela: O budushchem gumanitarnykh nauk* [Space character: On the future of the humanities], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2004.
20. Epstein, M.N. *Proektivnyy slovar' gumanitarnykh nauk* [Projective dictionary of the humanities], Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017.
21. Epstein, M.N. *Filosofiya vozmozhnogo* [Philosophy of the possible], St. Petersburg: Aleteiya, 2001.
22. Introvigne, M. Ritualità all'interno dell'esoterismo oggi [Rituality in esotericism today], in *Nuove ritualità e irrazionale. Come far rivivere il "mistero liturgico"?* [New rituals and irrationality. How to revive the "liturgical mystery"?], ed. Aldo Natale Terrin, Padua: Messaggero, 1993.
23. Herskovits, M. *Cultural anthropology*, New York: Knopf, 1955.
24. Jakobson, R.O. *N. S. Trubetskoy's letters and notes*, The Hague; Paris, 1975.